

Финская трагедия 1937 года

В этом году исполняется 70 лет «большому террору» в СССР. Среди сотен дел, заведенных следователями НКВД в 30-х годах минувшего столетия на жителей Добрянского района, особо выделяются дела в отношении представителей финской национальности. Из 33 арестованных в 1937 г. финнов 32 были приговорены к высшей мере наказания.

«Откуда и когда»

Финны были высланы в Добрянский район из Красногвардейского района Ленинградской области «как неблагонадежные элементы» в качестве спецпереселенцев. Произошло это весной 1935 г. В общей сложности в район прибыло 55 семей. Первоначально женщины с детьми были размещены в Добрянке в бараках на Кочневом поле, а мужчины (мужья и старшие сыновья) направлены на строительство домов в спецпоселке Верх-Добрянка. Потом туда же были переведены их семьи. Все они трудились либо на лесоразработках, либо в местной сельхозартели. Что же касается 1937 г., то аресты добрянских финнов прошли в два этапа. Первый относится к августу, второй — к декабрю.

«Контрреволюционная организация»

В ходе первой волны сотрудниками Добрянского отделения НКВД были арестованы восемь жителей п. Верх-Добрянка и д. Ярино: И.М. Ватиска (1886 г.р.), О.И. Ивайнен (1890 г.р.), А.П. Сокко (1881 г.р.), М.А. Сюгияйнен (1892 г.р.), И.С. Коломайнен (1887 г.р.), М.М. Корболайнен (1873 г.р.), П.А. Лукконен (1870 г.р.), А.И. Пойколайнен (1879 г.р.). Всех их арестовали 7 августа и первоначально поместили в камеру предварительного заключения при добрянской милиции. В ходе фабрикации дела и допросов основным обвиняемым следователи сделали Ивана Михайловича Ватиску. Для роли руководителя «контрреволюционной повстанческой группы» он подходил хотя бы потому, что в 1916-17 гг. служил в качестве городского в г. Выборге, а с апреля 1917 по январь 1918 г. находился в обозе бывшего лейб-гвардии Преображенского полка. Схема его допроса характерна для всех последующих дел. В начале следователь НКВД интересовался у него, с кем он находится в дружеских отношениях. Тот отвечает: мол, знаю Сокко, так как живем в одном доме, что изредка заходит земляк Сюгияйнен и еще несколько верующих женщин «для молебствия». После этого следователь говорит: «Следствию известно, что на молебствии у вас на квартире идут контрреволюционные разговоры». Ватиска отрицает. Следователь заявляет, что отпираться бесполезно: «Вы являетесь членом контрреволюционной группы». Подследственный категорически: «Не состоял и не состою». Следователь: «Вы лжете следствию». Иван Михайлович вновь: «Виновным себя не признаю». Первый и последний допрос окончен.

При допросе Андрея Петровича Сокко определяющим пунктом для следователя был факт его дореволюционной службы в жандармерии г. Выборга, при допросе Ивана Степановича Коломайнена — проживание его двоюродных братьев в Финляндии и Австралии, при допросе Пойколайнена — проживание в Финляндии знакомой ему женщины и т.д.

«Признания» и свидетели»

Поскольку все обвиняемые свою принадлежность к некоей контрреволюционной группе категорически отрицали, в ход пошел подлог. 26 августа 1937 г. на повторном допросе из-под пера сотрудника УНКВД по Свердловской области Афонасьева вышло фальсифицированное «признание» М.А. Сюгияйна о том, что будто бы в поселке действительно есть антисоветская группа. В нее входят Ватиска, Сокко, Коломайнен, Лукконен, Корболайнен, Ивайнен и Пойколайнен.

Почему выбрали Сюгияйна? Может быть, потому, что у поселковых активистов на него имелся «большой зуб». Однажды, подойдя к нему во время работы в лесу, те стали указывать Михаилу Андреевичу, «как уплотнить рабочий день и повысить производительность труда». А он, как следует из приложенного к делу акта, «в ответ бросился в псих, начал бросать с головы свою шапку и стал обругивать нецензурными словами весь руководящий состав поселка, в особенности поселкового коменданта. Выражался, что комендант не бог, чтобы перед ним молиться».

После фальсификации протокола допроса в ход пошли такие же «признания» свидетелей. Один из них, трудпоселенец Г., якобы говорил, что финны призывали к борьбе со стахановцами: «Мы, ленинградцы, всем кто будет работать по стахановски, головы оторвем». Почему «якобы»? Да потому, что при проверке этого дела в 1968 г. следователи КГБ нашли 60-летнего Г. в г. Пензе, и он, признав факт вызова его на допрос в 1937 г., однозначно ответил: «Чтобы я давал показания об антисоветских высказываниях кого-либо из трудпоселенцев, таких фактов не было. Работники НКВД (...) после бесед писали протоколы допросов. Эти протоколы мне не зачитывались, но подписывать их меня заставляли (...) работники НКВД».

11 сентября 1937 г. Следственное дело по обвинению восьми арестованных финнов было направлено «на рассмотрение тройки УНКВД по Свердловской области». Постановление тройки появилось через десять дней. Согласно ему все арестованные были расстреляны 25 сентября 1937 г.

«Как делались «признания»

В декабре 1937 г. на Прикамье, в том числе на Добрянский район обрушилась новая, еще более мощная и жестокая волна репрессий. Произошло это после того, как в район прибыла следственная группа Пермского городского управления НКВД. Это была настоящая карательная экспедиция. Каждый день штамповались десятки подложных дел. В области и края была спущена разрядка. По Свердловской области, куда до осени 1938 года входил и наш край, необходимо было репрессировать 10 тысяч человек!

Планы перевыполнялись. В списки мифических повстанцев записывались все «бывшие» и обладатели нерусских фамилий. Оперативному составу предлагалось проводить следственные дела как можно быстрее, «задавая арестованным по 2-3 вопроса с обязательным признанием обвиняемого». Обычно, по показаниям бывшего следователя Корпачева, это делалось так. Арестованным задавались вопросы автобиографического характера, а в протокол следователи вписывали совсем другое — признания арестованных в принадлежности к контрреволюционным организациям и ведении шпионско-диверсионной деятельности. Как рассказывал бывший чекист: «Малограмот-

ные, а их было большинство, подписывали не читая, а грамотных уговаривал подписать, что это так нужно, что их просто переселят в другое место и т.д. и в конце концов добивался подписи. На том следствие заканчивалось». А по признанию другого следователя, Рычина, «большинство арестованных давали вымышленные показания в результате их камерной обработки, а также других незаконных методов следствия».

«Поджигатели», «вредители», «диверсанты»

В результате за пять декабрьских дней 1937 года пермские следователи совместно с сотрудниками Добрянского районного отделения НКВД арестовали несколько сотен(!) человек. Позже один из следователей, Королев, откровенно признавался, что начальнику Добрянского районного отделения НКВД сержанту госбезопасности Цыганову была дана «твердая установка арестовать 500 кулаков. Цыганов точно выполнил эту установку, арестовывая всех, кто попадет под руку». Как следует из свидетельских показаний, в декабре 1937 – январе 1938 гг. органами НКВД были арестованы почти все мужчины трудпоселка Верх-Добрянка.

Среди них было более двух десятков финнов. Это А.М. Кемпи (1899 г.р.), П.М. Хуттонен (1916 г.р.), Н.М. Хуттонен (1915 г.р.), А.П. Лукконен (1903 г.р.), П.А. Лукконен (1870 г.р.), И.А. Кембес (1878 г.р.), А.А. Лембенен (1892 г.р.), А.Ф. Корочкин (1891 г.р.), И.И. Рахманен (1898 г.р.), А.П. Рахмонен (1897 г.р.), А.Ф. Кукко (1900 г.р.), П.С. Терво (1898 г.р.), И.И. Ванганен (1877 г.р.), А.И. Коугия (1869 г.р.), А.С. Хянин (1888 г.р.), С.А. Хянин (1912 г.р.), И.А. Тинтунен (1876 г.р.), И.И. Тинтунен (1907 г.р.), И.А. Местилляйнен (1898 г.р.), И.А. Юнолайнен (1893 г.р.), С.Я. Никкаринен (1871 г.р.), И.О. Сварвали (1883 г.р.), Ф.И. Савойланен (1885 г.р.), А.А. Тикко (1879 г.р.), И.П. Янус (1878 г.р.). За исключением И.П. Януса, который был арестован в октябре 1937 г. и получил 10 лет лагерей, все остальные финны попали под арест в середине декабря и были осуждены к расстрелу.

Как такового следствия против них не было. Дела содержат по несколько страниц.

- Лист 1. Постановление об избрании меры пресечения;
2. Ордер на арест;
3. Протокол обыска (обычно с формулировкой «не найдено ничего»);
4. Анкета арестованного;
5. Протокол допроса (один лист с оборотом);
6. Протокол об окончании следствия.
7. Обвинительное заключение на одном листе;
8. Выписка из протокола комиссии НКВД СССР и Прокуратуры с формулировкой ВМН (высшая мера наказания);
9. Справка о приведении приговора в исполнение.

Все дела написаны словно под копирку. Каждый из арестованных обвинялся в антисоветской агитации, вредительстве, диверсиях, принадлежности к контрреволюционной организации, иностранной разведке (обычно Эстонии или Германии). Согласно фантазии следователей обвиняемые поджигали лес и строения, выводили из строя автомобили и тракторы, портили семена и почти все в этом признавались: «будучи озлобленный на Советскую власть, я дал согласие быть членом повстанческой группы», «ежедневно ходил в лес и

поджигал лесные массивы», «Поручение выполнил честно. Лес поджог в 14 местах и на 4 участках». «Руководителем» же «мощной организации, которая охватывает все трудпоселки Добрянского района», был сделан бывший учитель, прапорщик царской армии (по версии следствия штабс-капитан белой армии), кавалер полученных в годы первой мировой войны боевых орденов Станислава 3-й степени и Анны 3-й степени Иван Осипович Сварвали. «Главный центр этой контрреволюционной организации находится на Верх-Добрянском трудпоселке, — сообщалось в энкавэдэшных материалах. — Он также имеет свои контрреволюционные организации на Луховском трудпоселке, на Верх-Челве, на Верх-Истоке, на Ключевском и в гараже около п. Добрянки. И вокруг себя эти контрреволюционные организации группируют всех спецпереселенцев, недовольных существующим строем, дают им задания контрреволюционного характера и сами ведут контрреволюционную работу, направленную на подрыв Советской власти и особенно колхозов и сельхозартелей».

Все эти домыслы были в полной мере развенчаны в ходе расследований и реабилитации в 50-60-х гг. После агентурных проверок причастность расстрелянных к иноразведкам не подтверждалась, «уничтоженные» ими в 30-х гг. склады благополучно стояли и в 50-х, как и «сожженный» финнами лес.